

**ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ
И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН.
ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ**

Иван Владимирович Лексин

*Заведующий кафедрой правовых основ управления факультета
государственного управления Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент
E-mail: leksin@spa.msu.ru*

**Влияние Конституции Российской Федерации
на языковую культуру юриспруденции
(Окончание)***

Ivan Vladimirovich Leksin

*Chair of the Legal Foundations of Management Department
of Public Administration Faculty, Moscow M.V. Lomonosov State
University, Doctor of Juridical Science, Associate Professor*

**Influence of the Constitution of the Russian Federation
on Juridical Linguistic Culture**

Оценка идейной ценности, логической стройности и иных качеств формальных источников права наряду с выявлением содержательных, структурных, грамматических проблем неизбежно поднимает вопрос о средствах решения последних. Наиболее радикальными из таких средств являются поправки к Конституции и ее пересмотр, в пользу чего высказаны веские аргументы [1, с. 2–34; 2, с. 2–9]. Этими инструментами спектр средств борьбы с погрешностями конституционных формулировок, конечно, не исчерпывается. В последнее время, в частности, набирают популярность идеи «преобразования Конституции», «живой Конституции» [3, с. 145; 4, с. 7–8; 5, с. 29, 125, 164, 200; 6, с. 105–112; 7, с. 49–52].

Из механизмов такого непрямого преобразования Конституции наибольшей технологической простотой характеризуется законотворчество. Оно же представляется наиболее уместным в качестве средства преодоления рассматриваемых (речевых) несовершенств конституционных формулировок.

---

* Начало статьи опубликовано в № 4 журнала «Правовая культура» за 2018 г.

Конституция любого государства — источник, имеющий смешанную (политико-правовую) природу. Как следствие, юридическое несовершенство конституционного текста в целом может быть оправдано соображениями политической целесообразности, а упреки в таком несовершенстве не должны восприниматься как бесспорные аргументы в пользу непосредственной корректировки данного текста. Закон же (хотя, конечно, также не может не считаться выражением политических интересов) должен служить концентрированным выражением прежде всего юридической мысли. Это, с одной стороны, предопределяет большую требовательность к лингвистическим характеристикам его содержания, с другой стороны, позволяет использовать закон в качестве языкового фильтра, отсеивающего неудачные конституционные термины и обороты.

В современной России данное средство косвенного исправления дефектов формулировок конституционных положений широко не используется. Лишь некоторые из таких погрешностей успешно обойдены или исправлены законодателем без внесения изменений непосредственно в конституционный текст. Так, в Конституции наряду с термином «выборы депутатов Государственной Думы» встречается и словесная конструкция «выборы Государственной Думы» (п. «а» ст. 84). Будучи корректной грамматически, она несуразна с организационно-правовой точки зрения и совершенно обоснованно не используется в избирательном законодательстве.

Более деятельно обошелся законодатель с формулировкой ч. 1 ст. 110 Конституции, согласно которой «исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации». Буквально данная фраза означает, что организационная структура исполнительной власти Российской Федерации исчерпывается Правительством Российской Федерации (что исключает из круга субъектов осуществления этой власти министерства и иные органы специальной компетенции). В ст. 1 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» те же слова расположены в прямом порядке: «Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть Российской Федерации». Благодаря этому буквальный смысл оригинальной фразы существенно изменен: в законодательной интерпретации не Правительство оказывается единственным органом исполнительной власти, а исполнительная власть является единственным направлением деятельности Правительства, что не исключает существования иных федеральных органов исполнительной власти. Поскольку вряд ли имеются основания полагать, что авторы Конституции желали добиться лишения многочисленных федеральных органов специальной компетенции статуса органов исполнительной власти, законодатель в данном случае в действительности не отклонился от смысла конституционного положения, а лишь придал ему адекватную словесную форму.

В то же время ряд не самых удачных из конституционных формулировок законодатель посчитал достойными воспроизведения. Так, в ст. 4 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»

в качестве одного из принципов российского гражданства воспроизведено положение ч. 1 ст. 6 Конституции РФ о его единстве и равенстве. Корни упоминания о едином гражданстве прослеживаются ещё в союзных конституционных документах:

— в ст. 21 «Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик» от 30.12.1922 говорилось: «Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство»;

— аналогичное положение было зафиксировано в ст. 7 Основного Закона (Конституции) СССР 1924 г.;

— в ст. 21 Конституции (Основного Закона) СССР 1936 г. в дополнение к этой фразе указывалось, что «каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР»;

— в ст. 33 Конституции (Основного Закона) СССР 1977 г. рассматриваемая конструкция приобрела следующую форму: «В СССР установлено единое союзное гражданство. Каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР».

Как видно, во всех приведенных цитатах прилагательное «единое» несло только усилительную, но не самостоятельную смысловую нагрузку. Это слово было использовано для противопоставления отдельных гражданств каждой союзной республики общему союзному гражданству и было призвано лишь акцентировать внимание на факте создания надреспубликанского гражданства. В Конституции же 1993 г. соответствующее положение оказалось сконструированным таким образом, что названное слово стало ассоциироваться с неким сущностным признаком гражданства Российской Федерации. Однако присутствие в Конституции формулировки «гражданство Российской Федерации... является единым» просто не имеет практического смысла. По сути, она эквивалентна утверждению, что гражданство Российской Федерации существует. Крайне маловероятно, что в отсутствие данного положения гражданство Российской Федерации считалось бы не единым. Более того, крайне сложно представить себе устойчивую правовую связь лиц с государством, которая не являлась бы «единой», а равно понять значение этого слова в данном контексте. Как бы то ни было, такую связь вряд ли можно было бы называть гражданством.

Тот факт, что в официальных документах советского периода был использован, по сути, художественный прием усиления, конечно, также не вполне заслуживает одобрения. О едином гражданстве правильнее было бы упомянуть в структурном элементе Конституции, допускающем отступления от эмоциональной нейтральности, образность выражений и использование торжественного стиля, — в преамбуле. Но тем более не следовало переиначивать появление единого союзного гражданства в принцип единства российского гражданства.

Равным (как и неравным) гражданство, строго говоря, тоже не может быть. Во-первых, прилагательное «равный» требует согласования с существительным во множественном числе либо указания другого объекта, по отношению

к которому описываемый объект является равным. Во-вторых, равенство — характеристика не самого российского гражданства, а граждан — независимо от оснований приобретения гражданства.

Наиболее массово из конституционных оборотов на данный момент рас­тиражирован штамп «вступает в силу со дня» (п. 1 раздела II Конституции). До принятия Конституции 1993 г. о вступлении в силу со дня или с момента говорилось в русскоязычных вариантах части международных договоров, в некоторых подзаконных актах, и лишь эпизодически — в законах начала 1990-х гг.¹ После принятия Конституции 1993 г. употребление данного оборота было универсализировано — вопреки его грамматической дефектности (вступление в силу есть не процесс, а одномоментное событие, тогда как «со дня» предполагает протяженность, отсчитываемую от определенного момента, и требует согласования с иным сказуемым — «действует» или «обладает силой»). При этом сама замена словосочетания «вести в действие» на «вступает в силу» заслуживает внимания и поддержки. Эта новелла подразумевает самостоятельность бытия формальных источников права по отношению к субъектам принятия властных решений, и тем самым идейно ближе к концепции правового государства, тогда как формулировка «вести в действие» более ассоциируется с произвольной природой права. Однако вступление в силу может происходить только в определенный день и (или) в определенное время, а не со дня или с момента.

Казалось бы, поскольку указанная грамматическая конструкция никак не угрожает правам или законным интересам каких бы то ни было лиц, ее отклонение от общеязыковых правил не имеет практического значения и должно интересовать лишь теоретиков юридической лингвистики. Однако оправдать такого рода отклонение можно лишь соображениями регулятивной целесообразности (например, невозможностью достичь целей правового регулирования без создания новых языковых конструкций, не вписывающихся в общепринятую грамматику, или чрезмерной громоздкостью грамотных формулировок). Пренебрегая же этими правилами при построении незамысловатой фразы, конституционный текст просто снижает планку приемлемой грамотности для всей юриспруденции, а равно для бытовой лексики. Сегодня редкий выпуск средства массовой информации обходится без грамматически неаккуратного упоминания о вступлении в силу того или иного документа «с» определенной даты, хотя никаких препятствий для корректного беспредложного согласования не имеется.

Грамматические изъяны конституционного текста напрямую отражаются и на учебном процессе и результатах образования. Уже в школьном возрасте в ходе освоения предмета «обществознание» обучающимся прививаются без разбора как грамотные и удачные, так и некорректные или неудачные

---

¹ Обычно же в законах использовались другие, грамматически корректные формулы: «Вести в действие настоящий Закон с момента его опубликования», «Настоящий Закон ввести в действие со дня его опубликования», «Настоящий Закон ввести в действие с момента его принятия».

словоупотребление, морфология, синтаксис, стилистика. Излишне упоминать, что перед учителями стоит прежде всего механическая задача подготовить учеников к аттестации, а не объяснить причины появления в Конституции тех или иных оборотов и фраз. Последние обычно некритически воспринимаются самими учителями и механически преподносятся школьникам как безукоризненно верные¹, что не способствует повышению не только узкопредметной, но и общеязыковой грамотности обучающихся. Сложно требовать от школьного сочинения или эссе большего изящества речи или большей логической цельности изложения, чем от Конституции, использующей такие обороты, как «регулирование прав и свобод» (п. «в» ст. 71), «координация вопросов» (п. «ж» ч. 1 ст. 72), «гарантируется запретом на ограничение» (ст. 133), и рассматривающей, например, местное самоуправление то как деятельность (ч. 2 ст. 130, ст. 131), то как самостоятельного субъекта деятельности или носителя прав (второе предложение ст. 12, ст. 18, 133).

Недостаток проблемно-аналитической ориентации прослеживается и на уровнях высшего образования. Последнее в большинстве случаев не борется за повышение чистоты языка, а укрепляет студентов в представлении о корректности конституционных штампов. Так, описание обстоятельств, связанных с формированием и расформированием органов выдержано авторами Конституции преимущественно в политологическом или

---

¹ Вдобавок недостаточно ясно сформулированные конституционные положения провоцируют авторов школьных учебников и учителей на излишне творческую интерпретацию этих положений. Так, в школьных учебниках по обществознанию тиражируется мнение, согласно которому получение основного общего образования — это одновременно право и обязанность. Данный синкретический взгляд основан во-первых, на игнорировании правовой аксиомы, согласно которой на несовершеннолетнего не могут возлагаться абсолютные (т. е. по отношению не к конкретному управомоченному лицу) обязанности. Во-вторых, на неверном прочтении конституционных положений: фраза «Основное общее образование обязательно», содержащаяся в ч. 2 ст. 43 Конституции, говорит об обязательности образования, что совершенно не тождественно обязанности учащегося получить образование (обязательность достигается за счет гарантии со стороны Российской Федерации всеобщего доступа к образованию данного уровня, организационного обеспечения органами государственной власти субъектов Российской Федерации получения каждым образованием данного уровня и возложением обязанности обеспечить получение детьми такого образования на их родителей или иных законных представителей). В-третьих, на игнорировании пределов сферы правового регулирования. Субъект не может быть юридически обязан достичь результата, который выходит за рамки прямых последствий его волевого поведения — поскольку зависит от его природных интеллектуально-психологических качеств, от волевого поведения других лиц (преподавания, оценивания). Юридические обязанности обучающегося — добросовестно осваивать образовательную программу, выполнять индивидуальный учебный план, посещать занятия, осуществлять подготовку к ним, выполнять задания, бережно относиться к имуществу образовательной организации, но не обязанность получить образование. Последняя однородна с обязанностями вырасти, стать умным, красивым и т. п. Достижение такого рода результатов может влечь определенные правовые последствия — в форме приза, премии, иного поощрения, но оно не может юридически вменяться конкретному лицу. Соответственно, учащийся не может быть подвергнут и мерам юридической ответственности за неполучение образования. В то же время сказанное не исключает трактовки получения образования как объекта моральной обязанности, а его неполучения — как основания моральной ответственности.

публицистическом стиле (предполагающем смешение членов органа с самим органом, в состав которого они входят): «избранная Государственная Дума» (а не избранные депутаты), «отставка Правительства Российской Федерации» (а не членов Правительства), «сложение Правительством Российской Федерации своих полномочий» (а не членами Правительства), «сформирование нового Правительства» (а не нового состава Правительства). Некритическое преподнесение таких оборотов студентам (в особенности будущим юристам), конечно, не составляет непреодолимого препятствия их профессиональному становлению, но и не способствует последнему.

Сказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

Прежде всего, догматическое значение должно придаваться идейной сущности конституционных положений, но — в силу изложенных обстоятельств — не буквальной форме их изложения. Догматизация последней вредна для самой догмы права в целом, поскольку засоряет ее грамматически неопрятностями, и для реализации конституционных идей в частности — вследствие смешения их содержания с не всегда удачными фразами. Замалчивание технических погрешностей, допущенных при составлении конституционного текста, дискредитирует и законодателя, воспроизводящего неказистые и несуразные словосочетания.

В связи с изложенным представляется полезным открыто признать Конституцию 1993 г. далеким от лингвистического совершенства документом, четко разделив разные по сути проблемы (лингвистической формы конституционных положений, их юридического содержания, их морально-ценностного значения, их законодательной конкретизации, практики их реализации и др.). Уважительное отношение к содержанию отечественной Конституции, признание ее верховенства и высшей юридической силы нельзя подменять безапелляционной апологетизацией ее формулировок. Во-первых, любая конституция — не сугубо и не исключительно юридический текст. Это продукт весьма сложного и тяжелого в политическом, социальном, экономическом отношении периода нашей истории, отразивший в своем содержании противоречия и проблемы последнего. Во-вторых, ценность любой конституции следует искать прежде всего не в лингвистических оборотах, а в идейных ориентирах и общерегулятивных установках. Смысловое наполнение положений такого рода не может быть просто выведено из самого конституционного текста. Это наполнение — сложная производная от системы формальных и фактических обстоятельств, к которым относятся: конструкция конституционных положений, восприятие содержания этих положений гражданами, в том числе законодателями, судьями, учеными, практикующими юристами, релевантный исторический опыт конституционного регулирования, юридическая доктрина, правовые позиции органа конституционной юстиции, правореализационная практика, общественные настроения и ожидания.

В рассмотренных условиях представляется недостаточно полным использование не только вышеупомянутого законотворческого пути преодоления речевых дефектов Конституции, но и интерпретационного потенциала

Конституционного Суда РФ. Даваемое этим органом толкование Конституции, предусмотренное ч. 5 ст. 125 последней, сегодня принято понимать в сугубо разъяснительном ключе. Между тем к данной функции Суда может быть отнесено не только пространное разъяснение смысла и содержания конституционных положений, но и облечение самих истолкованных положений в ту конкретную лингвистическую форму, которая подразумевается данным разъяснением.

Конечно, в таком «переформулировании» толкуемых положений Конституции можно усмотреть очередную угрозу подмены Конституционным Судом законодателя. Однако, во-первых, граница между фактической регулятивной ролью закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ и постановлениями Конституционного Суда РФ и так не является абсолютной. Многими из своих решений Конституционный Суд фактически вносил чрезвычайно важные изменения в содержание Конституции РФ, причем даже в положения, не поддающиеся корректировкам посредством конституционных поправок¹ и посредством постановлений не только по делам о толковании, но и по делам о проверке конституционности нормативных документов². Во-вторых, полное превращение Конституционного Суда Российской Федерации в законотворца неосуществимо, поскольку Конституционный Суд может лишь указать, что истолкованное положение следует понимать определенным образом³, тогда как непосредственная корректировка текста Конституции Российской Федерации остается прерогативой законодателя. Для последнего предлагаемые Конституционным Судом формулы могут выполнять роль ориентирующей

---

¹ Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 28.12.1995 № 15-П по делу о толковании ч. 2 ст. 137 Конституции РФ в качестве формального средства включения нового наименования субъекта Российской Федерации в ст. 65 Конституции РФ был определен Указ Президента Российской Федерации (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 49, ст. 4868).

² Например, постановлением от 09.01.1998 № 1-П по делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ к перечисленным в ч. 3 ст. 11 Конституции РФ средствам разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации были добавлены федеральные законы (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 3, ст. 429).

³ Согласно пункту 5 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 № 556-О-Р о разъяснении Постановления Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ «юридическое последствие решения Конституционного Суда Российской Федерации, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, — прекращение ее действия (а значит, и применения) в неконституционном истолковании и, следовательно, утрата ею силы на будущее время в любом ином, расходящемся с выявленным конституционно-правовым смыслом, допускавшемся ранее понимании. Это означает, что такая норма — по общему правилу... — с момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 48, ст. 5722). Данная правовая позиция воспроизведена в нескольких десятках более поздних решений Конституционного Суда РФ.

лингвистической основы. И на эту же более проработанную в грамматическом отношении основу стоило бы перевести и научно-исследовательскую деятельность, а что еще более важно – учебный процесс.

Пристайный библиографический список

1. *Авакьян С. А.* Конституцию надо не поправлять, а менять // Российская Федерация сегодня. 1999. № 5. С. 32–34.
2. *Авакьян С. А.* Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2–9.
3. *Аничкин Е. С.* «Преобразование» Конституции Российской Федерации и конституций (уставов) субъектов Российской Федерации / под ред. В. В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008.
4. *Дудко И. Г.* Авторитетность конституции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 3–8.
5. *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
6. *Митюков М. А.* О преобразовании Конституции Российской Федерации // Право и власть. 2001. № 1. С. 105–112.
7. *Червонюк В. И.* Преобразование Конституции и конституционный порядок // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 49–52.

References

1. *Avak'yan S. A.* Konstituciuyu nado ne popravlyat', a menyat' // Rossijskaya Federaciya segodnya [Constitution mustn't be amended but substituted // Russian Federation today]. 1999. № 5. P. 32–34.
2. *Avak'yan S. A.* Nuzhnalikonstitucionnaya reformav Rossii? // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Does the Russia need constitutional reform? // Constitutional and municipal law]. 2012. № 9. P. 2–9.
3. *Anichkin E. S.* «Preobrazovanie» Konstitucii Rossijskoj Federacii i konstitucij (ustavov) sub"ektov Rossijskoj Federacii / pod red. V. V. Nevinskogo. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta ["Transformation" of the Constitution of the Russian Federation and the constitutions (regulations) of the subjects of the Russian Federation / ed. V. V. Nevinsky. Barnaul: Publishing office of Altaic University], 2008.
4. *Dudko I. G.* Avtoritetnost' konstitucii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional authoritativeness // Constitutional and municipal law]. 2014. № 7. P. 3–8.
5. *Zor'kin V. D.* Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii [Constitutional and legal development of Russia]. М. : Norma : INFRA-M, 2011.
6. *Mityukov M. A.* O preobrazovanii Konstitucii Rossijskoj Federacii // Pravo i vlast' [On the transformation of the Constitution of the Russian Federation // Law and authority]. 2001. № 1. P. 105–112.
7. *CHervonyuk V. I.* Preobrazovanie Konstitucii i konstitucionnyj poryadok // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Transformation of the Constitution and Constitutional order // Herald of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. 2013. № 6. P. 49–52.